

Степень упорства оказанного сопротивления во многом определяла характер поведения османов в отношении покоренного населения. Чем сильнее сопротивлялись ромеи, тем более жестоко вели себя завоеватели после победы. Однако, как свидетельствуют источники, в осажденных городах какая-то часть населения изначально была готова принять власть турок, желая спасти свою жизнь, сохранить прежний социальный статус и материальное положение. И такие проявления лояльности завоеватели не оставляли без внимания. Кроме того, отношение турок к побежденным в немалой степени зависело от поведения местной власти и ее готовности принять новый порядок. Не последнюю роль играл и личностный фактор: султан мог проявить великодушие по отношению к тому или иному городу. Милость нового правителя проявлялась в привилегиях, которые он жаловал горожанам, сохраняя их ответственность и прежнее социальное положение. Такая политика позволяла в дальнейшем быстрее наладить диалог между завоевателями и завоеванными.

Е. В. Литовченко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)

К вопросу об образе христианина в письмах Сидония

Цель настоящего исследования – реконструкция собирательного образа христианина второй половины V в. посредством сравнения двух портретов, предстающих перед читателем писем Сидония Аполлинария: священника Максима (Sid. Ep. IV. 24)¹ и благородного Векция (Sid. Ep. IV. 9), христианина, не занимавшего должностей в церковной иерархии. Первое послание написано между 461 и 467 гг., второе – в 472 г. В фокусе нашего внимания именно эти образы в силу того, что Сидоний дает их полное описание, включая внешний вид, манеру поведения и некоторые элементы их быта. Мы сознательно оставили за рамками нашего исследования образ епископа, поскольку представители высшего клира *a priori* являлись образцами для подражания, будучи достойнейшими из достойных, как, например, епископ Фавст Регийский, в честь которого Сидоний сложил панегирик (Sid. Carm. XVI). Нас же в данном случае интересовало в большей степени обыденное и распространенное, чем уникальное. Кроме того, сам автор посланий стимулирует нас провести данное сравнение, считая натуру и манеру поведения Векция более

---

¹ Нумерация приводится по изданию: Sidonii Apollinaris Epistularum Libri I–IX // The Latin Library. The Classics Page. The Miscellany. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/sidonius.html>. Перевод данного письма см.: Литовченко Е.В. Сидоний Аполлинарий. Послание Турну // Сборник Радова Филозофског факултета Универзитета у Приштине. Collection of papers of the Faculty of Philosophy. 2016. Брoј (Vol.) XLVI (2). С. 479–492.

подобными представителям клира, чем образ жизни самих священников (Sid. Ep. IV.9.5).

Обратимся к содержанию письма о Максиме: Сидоний пишет ему как кредитору своего друга Турпиона и хлопочет об отсрочке в уплате долга детьми последнего вследствие болезни отца. Максим, бывший служащий императорского двора (*palatinus*), был посвящен в духовный сан, хотя и не имел на это большого желания (Sid. Ep. IV. 24. 4). Он также являлся старым приятелем и соседом Сидония, его имение располагалось где-то между Клермоном и Тулузой¹. Судя по тексту, Сидоний давно не видел Максима, т. к. был поражен переменами, произошедшими с ним: «Он лично встретил меня. Но как изменилась его походка: от бывшей выправки не осталось и следа; а как изменился его голос! Его одежда, смиренность; его бледность, манера речи – все выдавало в нем священника. Волосы его были коротко подстрижены, а борода длинна...» (Sid. Ep. IV. 24. 3). Автор послания уделил внимание и описанию домашней обстановки: «...в доме были простые треножные стулья, а вход вместо двери прикрывала грубая власяница; кровати – жесткие, столы – голые. Его угощение больше состояло из фруктов, чем мяса и напоминало вегетарианское; а если появлялось блюдо побогаче, то оно предназначалось гостям, а не ему самому...» (Sid. Ep. IV. 24. 3). Пойдя навстречу Сидонию, Максим согласился на уплату долга без процентов, за что удостоился звания «милостивой души», «заслуживающей царства небесного» (Sid. Ep. IV. 24. 6–7).

Что же касается письма, в котором описан Векций – благородный муж (*vir inlustris*), владелец большого загородного имения в Шантее (Овернь), живущий в миру, но практикующий аскезу², – то в нем показан аристократ, выполняющий обязанности, соответствующие его положению в обществе, но при этом проводящий много времени за чтением Священного Писания. Сидоний считает, что домохозяйство Векция подражает безупречной чистоте жизни его владельца: «Его работающие слуги, те, кто в деревне, любезны, те, кто в его городском доме, дружелюбны, послушны и довольны своим господином. Его стол открыт для знакомого не меньше, чем для его собственных клиентов; там царит большое гостеприимство и еще большая умеренность» (Sid. Ep. IV. 9. 1); «...он не склонен к насилию в обращении со слугами, и он не стесняется принимать их советы по случаю <...> его даже можно принять за управляющего в его собственном доме...» (Sid. Ep. IV. 9. 4). Знакомая с внешним видом и занятиями Векция, мы видим вполне привычный образ римского аристократа: «... человеку, о котором мы говорим, нет равных в

¹ Martindale J.R. et al. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. AD. 395–527. Cambridge, 1980. P. 746.

² Martindale J.R. et al. Op. cit. P. 1152.

выездке лошадей, дрессировке собак или ястребов; он верх элегантности в одежде с нарядным поясом и в сиянии украшений...» (Sid. Ep. IV.9.2). Далее Сидоний добавляет, что, хотя Векций и любит охоту, но делает он это не ради добычи, а ради процесса, т. к. любит предаваться погоне, и это вполне согласуется с его религиозными чувствами (Sid. Ep. IV. 9. 3). Последние проявляются в том, что он «... постоянный читатель Священного Писания; даже во время еды наслаждается этой пищей для души. Он изучает псалмы и все чаще повторяет их, <...> полный монах во всем, кроме монашеского облачения...» (Sid. Ep. IV. 9. 3). Кроме того, он еще и заботливый отец: «Его утешение – маленькая дочь, единственный залог любви его безвременно ушедшей жены; он воспитывает ее с мягкостью бабушки, усердной заботой матери, добротой отца...» (Sid. Ep. IV. 9. 4).

В заключении Сидоний ставит Векция в пример не только мирянам, но и служителям клира: «... для нашего века было бы хорошо, если бы каждый член нашей священной профессии был вдохновлен этой историей...» (Sid. Ep. IV. 9. 5).

Интересно, что, как в характеристике Максима, так и Векция, совершенно отсутствует общественный компонент, который был обязателен для любого представителя нобилитета еще в конце IV – начале V вв.: в письмах язычника Симмаха почетные должности рассматриваются как то, чем можно гордиться (Symm. Ep. 16), а государственные дела обязательно должны совмещаться с литературной активностью (Symm. Ep. 18), являясь подлинными достоинствами аристократа. Да и у самого Сидония довольно часто встречаются призывы «бросить мотыгу» и служить на благо общественности¹. Интересы человека практически замкнуты на его тесном частном мирке, ограниченном его владениями. Кроме того, нет ни одного слова об уровне образованности объектов внимания Сидония, ничего не говорится об их красноречии или занятиях литературой, что сам позднеантичный писатель считал маркером идентичности позднеантичного нобилитета. Видимо, акцентуация черт, ценимых христианской моралью, отодвигала на второй план классические установки в данном конкретном случае.

Таким образом, фигура Векция может быть расценена как некий промежуточный вариант верующего, в образе которого еще очень большую роль играют типично античные черты: умение управлять домохозяйством, наличие клиентов, гостеприимство, элегантный внешний вид, мастерство конной выездки, занятия охотой, в то время как, чертами, отличавшими истинного христианина, Сидоний полагал умеренность в пище и быту в целом, кротость, милосердие и чтение священных текстов.

---

¹ См., например: Sid. Ep. I.6.